

УДК 821.161.1.09

ЛАТИНСКИЕ СЛОВА И ВЫРАЖЕНИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО¹

С. А. Васильева

Тверской государственный университет
кафедра истории русской литературы

В статье рассматриваются проблемы функционирования латинских слов и выражений в художественных произведениях Достоевского, анализируется их роль в авторской речи, речи персонажей, черновых записях и набросках к романам; фиксируются различные случаи употребления латыни: термины, афоризмы, крылатые слова и выражения.

Ключевые слова: история русской литературы XIX в., древние языки, классическое образование

Проблему значения древних языков в образовании, воспитании и культуре в целом Ф. М. Достоевский затрагивает в «Дневнике писателя» за 1876 г. Он не отрицает необходимости их изучения, их развивающей роли: «Ровно пять лет назад произошла у нас так называемая классическая реформа обучения. Математика и два древних языка, латинский и греческий, признаны наиболее развивающим средством, умственным и даже духовным. Не мы признали это и не мы это выдумали: это факт и факт бесспорный, выжитый на опыте всею Европою в продолжение веков, а нами только перенятый» [5, т. 23, с. 82]. Однако Достоевский видит здесь и огромное противоречие: «Рядом с страшно усиленным преподаванием этих двух древних великих языков и математики, почти совсем подавлено у нас преподавание языка русского. Спрашивается: как, каким средством и через какой матерьял наши дети усвоят себе формы этих двух древних языков, если русский язык в упадке. Неужели только один механизм преподавания этих двух языков (да еще учителями чехами) и составляет всю развивающую их силу». Речь в этом очерке идет о реформе среднего образования, которую провел в 1871–1872 гг. министр народного просвещения граф А. Д. Толстой. Он считал, что «вопрос между древними языками как основою всего дальнейшего научного образования и всяким другим способом обучения есть вопрос не только между серьезным и поверхностным учением, но и вопрос между нравственным и материалистическим направлением обучения и воспитания, а следовательно и всего общества» [10, с. 520]. Реформа предоставляла право поступления в университеты только выпускникам классических гимназий, основными предметами в которых были древнегреческий язык, латынь и математика, что ограничивало доступ в университеты выходцам из низших сословий. Целесообразность такой реформы обосновывалась ссылкой на систему среднего образования в ведущих странах Западной Европы, отличающихся

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Древние языки в русской литературе XIX века», 12-04-00036.

высоким уровнем развития науки и культуры. В связи с реформой резко возросла потребность в учителях древних языков. Поскольку русские университеты ее удовлетворить не могли, Министерство народного просвещения стало назначать на эти должности кандидатов и магистров духовных академий, а также приглашать учителей-славян из-за границы, главным образом чехов, против чего и выступает Достоевский [6, т. 13, с. 500].

Однако, несмотря на определенные перекосы, Ф. М. Достоевский не отрицает значимости древних языков как важной составляющей образования в России. На протяжении многих лет они являлись важнейшей частью гимназического обучения, своеобразным сигналом образованности, а у самого Достоевского их знание используется даже как символическое обозначения возраста: «Всё может с человеком случиться, что даже и не снилось ему никогда, и уж особенно тогда... ну, да хоть тогда, когда мы с тобой зубрили Корнелия Непота» [5, т. 3, с. 264–265], – сочинения римского историка Корнелия Непота входили в гимназический курс латинского языка.

Латинские цитаты, крылатые выражения, афоризмы часто использовались в диспутах, научной полемике. Их многообразие и многофункциональность в русском языке подчеркивал еще М. И. Михельсон, автор-составитель одного из первых сборников крылатых слов и выражений на русском языке: «Сколько есть мифологических и исторических собственных имен, употребляемых иносказательно, в качестве нарицательных; сколько других выражений, смысл которых вполне ясен только для знакомых с той или другой отраслью науки и, вообще, для людей, весьма начитанных и обладающих, к тому, твердою памятью. Сколько есть известных русских иностранных ходячих выражений, излюбленных по меткости своей, по удачному сравнению, по тонкому намеку на какое-нибудь многим известное событие, наконец – по оригинальности формы своей, – постоянно употребляемых в печати и разговорном языке, то для подтверждения авторитетным словом правильности сказанного, то для украшения и большей выразительности речи» [8, с. V].

В художественных произведениях латынь часто являлась средством характеристики героя, демонстрируя его образованность или статус. Эта функция довольно часто встречается и в произведениях Ф. М. Достоевского. В «Подростке» на квартире Дергачева во время спора о русском народе «кто-то кричал: “*Quae medicamenta non sanant – ferrum sanat, quae ferrum non sanat – ignis sanat!*” <Чего не исцеляют лекарства – исцеляет железо, чего не исцеляет железо – исцеляет огонь!>» [5, т. 13, с. 44]. Спор об утверждении Крафта, что русский народ является второсортным (или даже третьесортным), ведется наукообразным языком, латинские цитаты здесь вполне уместны. Образованный читатель узнал здесь и слова Гиппократ, и эпиграф к «Разбойникам» Шиллера. Важно и другое. Эта латинская фраза появилась уже в черновиках романа и связана она была с процессом долгушинцев [6, т. 8, с. 739–745]. Дело долгушинцев слушалось в Сенате летом 1874 г., они обвинялись в написании и распространении листовок, призывающих население к бунту. Сам А. В. Долгушин стал прототипом Дергачева [4, с. 87–92]. Третья прокламация долгушинцев называлась «Как должно жить по закону природы и правды» и была связана с вопросом «о нормальном

человеке». Именно эту идею о «нормальном человеке» Достоевский и берет из всей системы общественно-философских воззрений долгушинцев, делая ее в окончательном тексте центральным пунктом спора Подростка с кружком Дергачева. Приведенная выше латинская фраза фигурировала в материалах процесса: «Цитата эта появляется в черновиках в августе, в начальный период становления темы долгушинцев. И в окружающем контексте она выполняет – по сравнению с окончательным текстом – противоположную идейно-художественную функцию: “Разговор нигилистов (в восторге): “*Quae medicamenta non sanant*” и т. д., а потому пустить красного петуха повсеместно по городам и деревням, с того и начать. Вот как я понимаю (говорит это шпион, ему возражают)” <...> О необходимости пожаров говорит провокатор, но с ним не соглашаются. Достоевского привлекает самоотверженность нового поколения, его преданность идее в атмосфере “всеобщего разложения”» [6, т. 8, с. 742].

Многие фразеологические единицы, восходящие к латинскому языку, носят назидательный характер. А. А. Потебня считает их опорными сигналами, поскольку они служат заместителями больших масс мыслей и, подобно алгебраическим формулам, ускоряют процессы человеческого мышления [9, с. 520]. К подобным выражениям современные исследователи относят, например, фразеологизм, употребленный Свидригайловым в разговоре с Раскольниковым [3]: «То, что в своем доме преследовал беззащитную девицу и «оскорблял ее своими гнусными предложениями», – так ли-с? (Сам вперед забегаю!) Да ведь предположите только, что и я человек емь, *et nihil humanum...* <и ничто человеческое>» [5, т. 6, с. 215]. Это перефразировка известных слов из комедии «Самоистязатель» римского драматурга Теренция (II в. до н.э.), которая является переделкой комедии греческого писателя Менандра. Она служит Свидригайлову для оправдания своих неблагоприятных поступков. С этой же целью использует латинское выражение Лебедев в романе «Идиот», каясь в том, что передавал письма: «Теперь опять ваш, весь ваш, с головы до сердца, слуга-с, после мимолетной измены-с! Казните сердце, пощадите бороду, как сказал Томас Морус... в Англии и в Великобритании-с. *Mea culpa, mea culpa* <Согрешил, согрешил>, как говорит римская папа... то есть он римский папа <...>» [5, т. 8, с. 439–440]. Эта латинская фраза – принятая у католиков формула покаяния во время исповеди. Выражение это широко употребляется в значении «виноват и раскаиваюсь». По мнению М. И. Михельсона, русский человек вообще склонен «блеснуть при случае – для украшения речи или большей убедительности ее – и иностранным метким словом» [8, с. II]. В приведенных случаях Свидригайлов и Лужин с помощью общеизвестных и общеупотребительных фраз переводят свои грехи из разряда единичных и конкретных в разряд «общечеловеческих», снимают с себя личную ответственность за них. Иногда герои Достоевского цитируют известные латинские выражения (*aut Caesar, aut nihil* <или Цезарь, или ничто> [6, т. 2, с. 175]), употребляют крылатые выражения, когда известна лишь принадлежность выражения к античной эпохе, но неизвестны ни произведение, ни автор (*tabula rasa* <чистая доска>).

Встречаются у Достоевского и выражения, которые были у всех на слуху, благодаря каким-либо известным событиям. Так, слова «non possumus», по традиции означавшие папский отказ удовлетворить требования светской власти, которые использует князь Мышкин в споре о католицизме, были актуализированы не столь отдаленными событиями и были понятны широкому кругу читателей: «Римский католицизм верует, что без всемирной государственной власти церковь не устоит на земле, и кричит: «Non possumus! <не можем>» [5, т. 8, с. 450]. Фраза восходит к «Деяниям апостолов» [4, с. 17–20] – так, согласно новозаветному преданию, ответили апостолы Петр и Иоанн на требование не проповедовать учение Христа. Эти слова стали формулой отказа римских пап выполнить требования светской власти. М. И. Михельсон приводит следующие примеры: «Папа Климент VII (1523–1532) этим словом отказал английскому королю Генриху VIII в разводе его с Екатериной Арагонской для вступления его в брак с Анною Боейн, с тех пор слово это означает – отказ» [8, с. 250]. Но особенную известность во второй половине XIX в. выражение приобрело после того, как в 1860 г. Пий IX запретил Наполеону III уступить Романскую область итальянскому королю Виктору Эммануилу и отлучил последнего от церкви за присоединение этой области к Италии, о чем упоминается и в сборнике Михельсона. Для Достоевского выражение не потеряло актуальности и позднее, в статье «Иностранные события», рассуждая о «религиозном вопросе», он отметит: «Дело мы рассматривали так: папское “Non possumus” мы считаем настолько серьезным, что воплощаем в нем жизнь и смерть самой религии в Европе» [5, т. 21, с. 243].

Можно привести целый ряд примеров, когда Достоевский употребляет латинские выражения для контраста между возвышенным слогом и низким, пустым или недостойным содержанием. Об отсутствии веры в Бога в «Братьях Карамазовых» говорится: «Губернатору Шульцу он прямо отрезал: credo <верую>, да не знаю во что» [5, т. 14, с. 124]. А Иван Карамазов в своей проникновенной речи предваряет появление Иисуса рассказом, как «всего лишь накануне в “великолепном автодафе”, в присутствии короля, двора, рыцарей, кардиналов и прелестнейших придворных дам, при многочисленном населении всей Севильи, была сожжена кардиналом великим инквизитором разом чуть не целая сотня еретиков ad maiorem gloriam Dei <к вящей славе господней>» [5, т. 14, с. 226]. Это же выражение в том же значении и с близким контекстом Достоевский позднее употребит в «Дневнике писателя» за 1876 г.: «Дон Карлос, родственник графа Шамбора, тоже рыцарь, но в этом рыцаре виден Великий Инквизитор. Он пролил реки крови ad maiorem gloriam Dei и во имя богородицы, кроткой молящицы за людей, “скорой заступницы и помощницы”, как именует ее народ наш» [5, т. 22, с. 93].

Термин «pro et contra» неоднократно встречается в текстах Достоевского, его значение подробно рассматривает Л. М. Лотман в статье «Достоевский и Н. Г. Помяловский» [7, с. 126–129], анализируя его функцию в «Братьях Карамазовых». Вообще, в этом романе латынь встречается часто. Так, разговор, во время которого Иван Карамазов рассказывает Алеше свою легенду, постоянно сопровождается латинскими выражениями, латынь присутствует и в разговорах Ивана с чертом. Жалобы на ревматизм черт оправдывает фразой: «Сатана sum et nihil humanum a me alienum puto <я

сатана, и ничто человеческое мне не чуждо>», понравившейся Ивану: «Сатана sum et nihil humanum... это неглупо для черта! <...> А ведь это ты взял не у меня, – остановился вдруг Иван как бы пораженный, – это мне никогда в голову не приходило, это странно...» [5, т. 15, с. 74]. В черновиках к роману встречается другое написание этой фразы и несколько другая реакция Ивана: «Satana sum et nihil humanum a me alienum puto. Ив(ан): Humanum?? Это не глупо для сатаны. Вот это не я выдумал. Откуда ты взял?» [5, т. 15, с. 335]. В контексте «Братьев Карамазовых» эта фраза в устах Свидригайлова может получить дополнительные значения.

Еще одно выражение, важное для понимания этого романа, отсылает нас к античности. Фразы «днем с огнем» и «ищу человека» связывают с именем философа-киника Диогена из Сипопа [11, с. 383]. Имя философа и общий смысл сравнения сохраняются в речи Дмитрия Карамазова: «Именно тем-то и мучился всю жизнь, что жаждал благородства, был, так сказать, страдальцем благородства и искателем его с фонарем, с Диогеновым фонарем, а между тем всю жизнь делал одни только пакости...» [5, т. 15, с. 335]. По мнению Р. Ю. Данилевского, «общим смысловым субстратом разветвившейся фразеологии, связанной с Диогеном, остается поиск некой идеальной, истинной добродетели, той правды, которой недостает, как считается, в окружающей жизни и в характерах людей» [11, с. 394].

Часто Достоевский использует устойчивые фразы-латинизмы, которые являлись терминами в какой-либо сфере (или воспринимались как таковые); слова, ставшие общеупотребительными и не требовавшие перевода во второй половине XIX в. (*de facto*, *status quo*, *incognito* и многое другое).

Приведенные выше способы использования латинских слов и выражений имеют общую особенность: они употреблялись в латинской графике и без перевода, поскольку адресат Достоевского – читатель не просто грамотный, но образованный. Кроме того, используются в произведениях Достоевского и латинские выражения, переведенные на русский язык с помощью калькирования. Так, Ипполит в разговоре с князем Мышкиным замечает: «Вы, кажется, ничему не удивляетесь, князь, – прибавил он, недоверчиво смотря на спокойное лицо князя, – ничему не удивляться, говорят, есть признак большого ума; по-моему, это в равной же мере могло бы служить и признаком большой глупости...» [5, т. 8, с. 465]. Возможно, имеется в виду ставшее крылатым выражение «*nil (nihil) admirari*» <ничему не удивляйся>, принадлежащее Горацию («Послания», кн. I, № 6, ст. 1) [5, т. 9, с. 458].

В речи образованных слоев русского общества того времени часто встречались слова, имеющие латинский корень, но настолько освоенные русскими, что они передавались с помощью графики языка-реципиента (транслитерация). Присутствуют они в значительном количестве и в произведениях Ф. М. Достоевского. Это, например, каплан, гомункул, легитимистка, лигатура, мизер, позитивизм, пиетизм, аудиенция и многое другое. В этом перечне не учитываются латинские слова, прочно вошедшие в русский язык и не воспринимающиеся как заимствования, в том числе церковная лексика.

Разумеется, здесь собраны далеко не все случаи употребления Достоевским латинских слов и выражений: в речи персонажей, в словах автора, в статьях, в черновиках и заметках – в каждом случае функцию латинизмов нужно рассматривать особо. Однако мы не должны забывать, что для Достоевского знание латыни не являлось еще показателем образованности. В «Дневнике писателя» он горячо настаивает, что человек должен с рождения говорить на родном ему языке, на нем же учиться мыслить: «рассуждения о вреде усвоения чужого языка, вместо своего родного, с самого первого детства – бесспорно смешная и старомодная тема, наивная до неприличия, но, мне кажется, вовсе еще не до того износившаяся, чтоб нельзя было попытаться сказать на эту тему и свое словцо» [5, т. 22, с. 79]. Поэтому, как бы хорошо Достоевский ни знал древние или современные европейские языки, преимущество он все-таки отдавал языку родному: «На высшую жизнь, на глубину мысли заимствованного, чужого языка не достанет, именно потому, что он нам все-таки будет оставаться чужим; для этого нужен язык родной, с которым, так сказать, родятся» [5, т. 23, с. 80].

Список литературы

1. Варзонин, Ю. Н. Античный текст во времени и пространстве: проблема рецепции [Текст] / Ю. Н. Варзонин // Настоящее как сюжет. – Тверь : Изд-во М. Батасовой, 2013. – С. 55–59.
2. Гринбаум, Н. С. Активизация мыслительной деятельности студентов в процессе преподавания латинского языка на вузовских гуманитарных факультетах [Текст] // Взгляд в античность. *Varia* / Н. С. Гринбаум. – СПб. : Нестор-история, 2010. – С. 301–305.
3. Гужанов, С. И., Гужанова, Т. С. Образование русских фразеологизмов на базе латинских крылатых слов [Электронный ресурс] / С. И. Гужанов, Т. С. Гужанова // LibRar.OrgUa – Бібліотека українських авторефератів. – Режим доступа: http://librar.org.ua/sections_load.php?s=philology&id=2244. – Дата обращения: 30.09.2013. – Загл. с экрана.
4. Долинин, А. С. Последние романы Достоевского. Как создавались «Подросток» и «Братья Карамазовы» [Текст] / А. С. Долинин. – М. ; Л. : Сов. писатель, 1963. – 344 с.
5. Достоевский, Ф. М. Полное собрание сочинений [Текст] : в 30 т. / Ф. М. Достоевский. – Л. : Наука, 1972–1990.
6. Достоевский, Ф. М. Собрание сочинений [Текст] : в 15 т. / Ф. М. Достоевский. – Л. : Наука, 1988–1996. – Т. 2 : Повести и рассказы. 1848 – 1859. – 1988. – 592 с. – Т. 8 : Вечный муж. Подросток. – 1990. – 816 с. – Т. 13 : Дневник писателя. 1876 г. – 1994. – 544 с.
7. Достоевский и его время [Текст] ; сб. статей ; под ред. В. Г. Базанова, Г. М. Фридендера. – Л. : Наука, 1971. – 368 с. : 1 л. портр.
8. Михельсон, М. И. Ходячие и меткие слова. Сборник русских и иностранных цитат, пословиц, поговорок, пословичных выражений и отдельных слов (иносказаний) [Текст] / М. И. Михельсон. – СПб., 1896. – 598 с.
9. Потебня, А. А. Из лекций по теории словесности [Текст] // Эстетика и поэтика / А. А. Потебня. – М. : Искусство, 1976. – 614 с.
10. Рождественский, С. В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения, 1802–1902 [Текст] / С. В. Рождественский. – СПб., 1902. – 800 с.

11. Русская судьба крылатых слов [Текст] ; отв. ред. В. Е. Багно. – СПб. : Наука, 2010. – 634 с.

LATIN QUOTATIONS IN F. DOSTOYEVSKI'S LITERARY WORKS

S. A. Vasiljeva

Tver State University

The department of history of russian literatura

The purpose of this article is to examine Latin quotations in F. Dostoyevski's literary works and to describe them according their status (authentic, modernized, embedded in new contexts).

Key words: *Russian literature of the XIX-th century, F. Dostoyevski's literary works, Latin in Russian education, Latin quotations in Russian literature*

Об авторах:

ВАСИЛЬЕВА Светлана Анатольевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры истории русской литературы Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, д. 33), email: rabota165@rambler.ru